

2.8. Импликативный мир Андрея Пелипенко

Дорогие друзья! Главный герой нашего диалога – мой друг и, не побоюсь этого слова, выдающийся теоретик культуры Андрей Анатольевич Пелипенко. Я до сих пор не могу смириться с тем, что его уже нет с нами. Мне уже приходилось писать, что в октябре с.г. ему бы исполнилось 60 лет. И, несмотря на это, он успел сделать за свою неполную жизнь очень много. Этого хватило бы с лихвой на несколько чело-

веческих жизней. Художник, писатель, учёный. Такую творческую активность редко встретишь. Десятки книг, сотни статей и художественных картин. Трудно представить себе более многогранную личность, чем он (см.: <http://apelipenko.com>).

В центре внимания нашего трёхдневного диалога будет сфера запредельного или импликативного, пронизывающая собой всё творчество Андрея Анатольевича и являющаяся центральным понятием в его основном труде «Постижение культуры» (2012-2017), который был задуман им как серия томов. Но, увы, в свет успели выйти только первые два тома [1; 3]. Фрагмент из третьего тома опубликован недавно в журнале «Личность. Культура. Общество» [2]. Однако уже первое погружение в книгу показало, что одной статьи или диалога для понимания импликативного мира Андрея Пелипенко будет явно недостаточно. Это – целая вселенная сложных объектов, образов и понятий. Понять её с первого наскока невозможно. Поэтому мы попытаемся познакомить читателей лишь с некоторыми аспектами его теории. При этом мы не стали в этот раз разбивать диалог на части, полагая, что может потеряться общий смысл, а подготовленный читатель, если ему будет интересно, и так сможет осилить весь текст целиком. Подумаешь, чуть больше одного печатного листа.

Кстати, Кузя хорошо знаком с Андреем. И не один раз сидел у него на коленях. Ему было комфортно с ним. И он, так же как и я, любил его послушать. А сейчас, накануне беседы, Кузя уселся на подоконнике и,

видимо, мысленно стал готовиться к разговору. Можно подумать, что там, за окном и находится предмет нашего интереса.

В заключении к диалогу мы решили Вас порадовать очередной порцией «бьяк» от Андрея Пелипенко. Поскольку текст большой и сложный, то просим всех морально настроиться и приготовиться к «длинному чтению». Тем же, кто не знаком с книгами А.А. Пелипенко, советуем набраться терпения и самостоятельно разобраться во всех перипетиях его мысли. Для этого мы и приводим подробные выдержки из книг. Но лучше обратиться напрямую к ним (см.: <http://apelipenko.com>). На наши же попутные реплики с Кузей можно не обращать внимание.

Маленький пролегомен к большому разговору

Я: Кузя! Я решил назвать вступление к нашему разговору пролегоменом.

Кузя: Да, как хочешь, так и называй. Чем бы дитя не тешилось... Но почему пролегоменом, а не пролегоменами, как принято? Может быть, потому, что вступление будет небольшим или потому, что мыслей в нём слишком мало, а те, что есть, почти незаметны?

Я: Шутка принята. Не знаю. А мне вспомнился другой шуточный вопрос, который как-то задал на одной из наших встреч Андрей Пелипенко: «Куда лежит пролегающий пролегомен?». Как известно, пролегомены (греч. *prolegomena* – говорить наперед) – это развёрнутое вступление к большому тексту (например, к фундаментальному труду). Это Кант мог себе позволить написать «Пролегомены» к своей «Критике чистого разума». А нам хватит одного, маленького пролегомена.

Кузя: Конечно, ты далеко (и совсем) не Кант, но твоя скромность в данном случае не совсем уместна. А вот шуточное выражение Андрея мне нравится.

Я: Дело в том, что у меня получилось очень серьёзное вступление к диалогу, а ведь Андрей не любил, когда о нём говорили что-то пафосное.

Кузя: Причём тут это? Давай просто поговорим о том, о чём он больше всего любил размышлять и рассказывать. Это и будет лучшим подарком ему и его сторонникам.

Я: На протяжении многих лет Андрей рассуждал об ограниченности логоцентризма как способа смыслополагания, характерного для современной культуры. «Когда мы соотносим все наши ценности с неким запредельным Абсолютом (даже утратившим свою религиозную атрибутику), полагая его надмировой точкой отсчета, замыкающей все

иерархии, – это логоцентризм» [1, 20]. Логоцентризм и запредельное тесно связаны между собой. Андрей отмечал, что то, что мы называем запредельным, не любит никого слишком глубоко пускать в себя. При упоминании о нём обычно напускают много тумана. Но к Андрею это не относится.

Теперь вопрос к тебе. Говорят, что коты находятся на границе двух миров – миром наличного бытия и миром запредельного. Что ты думаешь об этом, Кузя? Как вам удаётся проникать в область запредельного?

Кузя: Я не могу тебе сказать, как это у нас получается. Мы как-то смотрели с тобой один из фильмов «Дозор» по роману Сергея Лукьяненко...

Я: Да, у него есть несколько романов: «Ночной Дозор» (1998), «Дневной Дозор» (в соавторстве с Владимиром Васильевым) (2000), «Сумеречный Дозор» (2004), «Последний Дозор» (2005), «Новый Дозор» (2012), «Шестой Дозор» (2014), а также «Школьный надзор» (2014) и «Теневой Дозор» (2015) (оба в соавторстве с Аркадием Шушпановым) и др. Какой ты имеешь в виду?

Кузя: По-моему, это был «Ночной дозор» или «Дневной дозор», не помню точно. Так вот, продолжу свою мысль. Там показано, как главные герои входят в сумрак, в котором всё происходит как в замедленной съемке и почему то при этом летают и громко жужжат назойливые мухи. А люди в это время безмолвствуют. У нас же всё происходит по-другому.

Я: Интересно, это как? Вы издаёте громкие звуки?

Кузя: Как будто бы срабатывает шестое чувство и мы начинаем видеть и слышать, как во сне, то, что недоступно вам, людям.

Я: И что же вы видите такое, чего мы не замечаем?

Кузя: В твоём вопросе чувствуется ирония. А мы видим тени других существ или мерцающие огни...

Я: Ну ты, Кузя, фантазёр. Может быть, это тебе кажутся призраки или уже появились галлюцинации?

Кузя: То, что мы видим, то нам и кажется. С тобой неинтересно вести сокровенные беседы. Ты всё оскверняешь своим сарказмом. Давай отвлечёмся от меня. Лучше скажи, что понимает под запредельным миром Андрей Пелипенко.

Что же такое запредельный или имплицативный мир?

Я: Лучше всего это объяснит сам автор. Поэтому приведу его собственные слова. «Напомню, что мир свернутого (имплицативного) порядка, в нашем дискурсе соотносимый с когерентной модальностью

существования, в сознании определяется как мир трансцендентный, запредельный и т.п.» [1, 134].

Кузя: Но в этом фрагменте текста есть ещё одно важное суждение, которое ты пропустил. «У животных погружение в когерентный мир происходит совершенно органично и спонтанно» [1, 134]. Так вот, мы, коты, наблюдаем этот мир, по словам Андрея, что называется в фоновом режиме. Он объясняет это тем, что у нас не образовалась, как у вас, психическая перегородка в левом полушарии, которая заблокировала способность проникать в запредельный мир. Так появилась, с его точки зрения, потребность людей в культуре, которая стала «опосредующим» звеном между вами и природным универсумом.

Я: Получается, что у вас нет своей культуры или её аналога.

Кузя: Наверное, Андрей назвал бы это протокультурой или чем-нибудь подобным. Ясно одно, что мы с природой – одно целое, а вы – нет. Вы воспринимаете её как объект своих устремлений. Поэтому вы и не умеете с ней «общаться». Вы создали свой искусственный язык, понятный только вам одним. А мы живём по законам природы и черпаем из неё психическую энергию. Вам недоступно трансцендентное и вы его считаете непостижимым, а мы с ним сталкиваемся каждый день «лицом к лицу».

Я: Ну вот завёл свою старую шарманку о сверхъестественности и сверхчувствительности котов. Но ведь то, о чём ты говорил («тени», «огни» и пр.), ещё не есть трансцендентное. Это скорее – его проявления или какие-то представители «параллельных миров», существующих в ином измерении.

Кузя: Да, возможно. Я лишь хотел сказать, что трансцендентное для нас не является игрой неведомых или тайных сил. Мы его видим воочию. Оно выходит из своего убежища и становится явным для нас тогда, когда мы этого очень хотим.

Я: Не знаю. Мне трудно судить об этом. Давай лучше обратимся к первоисточнику. У Андрея можно найти несколько определений запредельного или имплицитивного мира. Вот одно из них: «В нашей системе определений он (запредельный или потусторонний мир – Ю.Р.) понимается как “параллельный” физическому континуум имплицитно-потенциального бытия, концепция которого в широком смысле согласуется с современными квантовыми и космологическими теориями. Образ этого континуума можно – в нестрогом понимании, – соотнести с Бомовым понятием имплицитного “свернутого” порядка. Поэтому здесь и далее этот мир будет называться имплицитивным...» [1, 143].

И ещё одно определение: «Мир, который в КМ (квантовой механике – Ю.Р.) называют имплицативным (ИМ, термин Д. Бома), в философии – трансцендентным, в ненаучном обыденном употреблении – запредельным (тонким, параллельным, потусторонним и т.п.), не есть фикция ума, лишённая онтологии эпистема или мифологический образ, а реальность, хотя и не данная человеку в непосредственном восприятии» [3, 11].

А каким же запредельное является Вам, котам?

Кузя: Примерно таким же, как и пишет Андрей, но только с одним уточнением. Андрей апеллирует к квантовой теории Бома, о которой я не имею ни малейшего представления, поскольку мне это дано в опыте. Я не знаю, как «работают» законы квантовой механики, но ощущаю их действие на себе благодаря «встроенному» в меня природой механизму восприятия. Андрей это называет «датчиками» или принимающими устройствами. Наверное, вам, людям, не дано без специального технического оборудования улавливать многие звуки и сигналы природы. Вам нужны антенны и другие технические приспособления.

И, наконец, у вас имеется культура, которую Андрей Пелипенко считал одним из самых достоверных оснований существования запредельного мира. Однако именно она и затрудняет возможность постижения ИМ, выстраивая целый ряд искусственных преград.

Я: Андрей не только проясняет смысл ИМ, рассматривая его как онтологическую данность, но и показывает, как он связан с эмпирическим миром людей. Такая связь опосредована у него через психосферу как «срединную» область, которая дана нам посредством сопряжения культуры и биосферы. Это своего рода «мембрана, преобразующая контур, конвертирующий интенциональные импульсы как эмпирического, так и имплицативного миров на “водоразделе” психика – сознание» [1, 146]. Другими словами, психосфера возникает в ответ на запросы культуры, обращенные к ИМ. Это – часть всеобщей универсальной связи (ВЭС) или медиационного процесса, охватывающего все явления. Однако культура не способна проникнуть в ИМ через психосферу. Для этого человеку дана психика как «вместилище», предназначенное для приёма сигналов ИМ.

Кузя: Из этого следует, что мы, коты, раньше, чем вы, «познакомились» со психосферой, воспринимая информацию ИМ непосредственно, а не при помощи культуры, «фильтрующей» любую информацию. Чтобы войти в неё (психосферу), вам ещё необходимо преодолеть фильтры культуры.

Я: Возможно, не буду настаивать. Очевидно, что связь с ИМ у нас с вами совершенно разная. Как ты, например, объяснишь такие феномены экстрасенсорной перцепции, осуществляемой по каналам психосферной медиации, описание которых приводит в своей книге Андрей (ясновидение, телепатия, эффект прямого знания, невербальная суггестия, индуцируемые состояния, «эпидемия идей», эйдетизм, прекогниция, психокинез и пр.)?

Кузя: Ты что-нибудь попроще мог бы у меня спросить?

Я: Хорошо. Что-нибудь из перечисленного тебе известно?

Кузя: Ты задаёшь вопрос, ответить на который мне не по силам. Это вопрос из разряда «скажи мне, где лежит то, не знаю что». Я не знаю содержание терминов, обозначающих эти феномены.

Я: Не буду тогда тебя перегружать лишними терминами. Но если дальше следовать логике Андрея, то человеческая ментальность всегда имеет дело с психосферой, а не с ИМ. Может быть у вас, котов, существует непосредственная связь с ИМ? Или, как он говорит, возможно, вы обладаете способностью прямого считывания импульсов ИМ? Ведь Андрей приводит данные исследований, согласно которым «в животной психике каузальность инкорпорирована в когерентность» [1, 158].

Кузя: Может быть. Если ты спрашиваешь меня о том, каким способом мы проникаем в ИМ, то я тебе уже ответил: не знаю. Сие мне неведомо. Проникаем и всё тут.

Я: Не знаю, как у вас, котов, это происходит, но, по мнению Андрея, «человек способен абстрактные возможности осуществления придвинуть к рубежу реализации (экспликация) и этот рубеж при некоторых условиях преодолеть и, тем самым таковые возможности актуализовать» [1, 160]. Он называет это свойство человеческой ментальности, создающей новые имплицативные паттерны в психосфере, интенциональной индукцией. Возможно, вам удаётся каким-то образом вести прямой «диалог» с ИМ?

Кузя: Можешь ли ты, наконец, понять одну простую истину: мы в этих терминах не воспринимаем действительность. Наш мир устроен по-другому. Мы «считываем» информацию через органы обоняния и каким-то «шестым» чувством. И её нельзя выразить в битах или других человеческих единицах измерения количества информации. Она дана нам по-другому. Это больше напоминает то, что вы называете информационными полями. К нам приходят из ИМ (или психосферы) готовые мыслеформы, которые мы воспринимаем как руководство к действию или как сигнал. Вы же уверены, что ваши мысли – это личное достояние каждого, изобретённое вашим уникальным умом.

Я: Ты, Кузя, просто идеалист в платоновском смысле. Это у Платона вечные идеи витают в пространстве как «чистые» формы, находя себе для воплощения вещи. В диалоге «Тимей» он пишет, правда, о третьем роде бытия наряду с идеями и вещами: «пространство: оноечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему роду, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно». Мне кажется, что в этом высказывании Платон предугадал существование ИМ. Ведь это именно он дарует обитель всему сущему. И постичь его можно только при помощи «незаконного» умозаключения (возможно, интуиции).

Кузя: Ты снова хочешь меня запутать. Вот и Платона зачем-то приплёл сюда. Невозможно лишь поверить в то, чего нет вообще. А ИМ реально существует. Это вы, люди, потеряли непосредственную связь с ним. Вот и изобретаете велосипед заново, придумывая всякие познавательные инструменты и технические новшества или обращаясь ко всевозможным посредникам (экстрасенсам, гадалкам, ясновидящим и пр.), чтобы они считывали за вас информацию в психосфере. Та ментальная способность, о которой писал Андрей, поддаётся тренировке. Информация идёт буквально отовсюду, проникая, по его выражению, из «расщелин» ИМ. Поэтому у нас коты говорят, что «нужно, чтобы глаз был всегда зорким, ухо остро, а нос держался по ветру». Что-то подобное я слышал и у вас.

Я: А правда, что вы видите ауру людей?

Кузя: Кто тебе сказал такую глупость про ауру? Не слушай расхожие мнения. Бери планку выше. Мы видим значительно больше – всё энерго-информационное поле человека. Не случайно Андрей приводит данные Института математики сердца США, согласно которым вокруг сердца концентрируется энергетическое поле диаметром до двух с половиной метра [1, 150]. Но подобные поля излучают и другие человеческие органы. И мы можем определять по ним состояние вашего организма и даже ставить психологический диагноз. Вы же знаете, что коты всегда чувствуют настроение своего хозяина и избегают людей с неуравновешенной психикой.

О природе имплицативного мира

Я: И всё-таки мне бы хотелось понять природу ИМ. И у Андрея Пелипенко на этот счёт есть отдельный параграф в его первой книге. Но как увидеть невидимое и описать неопишемое? Для начала Андрей поясняет различие между ИМ и психосферой. «Психосфера – своего рода буферная зона, в которой распакованные паттерны ИМ обретают проявление формы, т.е. та “территория”, на которой это распако-

вывание и происходит» [1, 168]. Андрей называет её «третьим» миром, который расположен между ИМ и эмпирическим миром. Но это не третий мир К. Поппера, т.е. мир объективного содержания мышления, мир знания, научных идей, проблем, информации и произведений искусства. В психосфере А. Пелипенко преломляется и распаковывается недоступный нам ИМ, выступая в форме неотрефлектированных ощущений (предчувствий, догадок, импульсов и пр.). О содержании последних можно, по его мнению, лишь строить предположения, облекая их в культурно-семантический вид. Так они становятся доступными сознанию человека.

Следовательно, ИМ – это мир свёрнутого порядка или потенциалов, стремящихся к осуществлению. По отношению к нему эмпирический мир, который мы можем наблюдать, является онтологически подчинённым, т.е. всего лишь его проекцией или суммой проекций. Однако не все потенциалы реализуются в эмпирическом мире, а лишь «избранные», которые «прорываются» в него в соответствии с законом самоограничения и глобальными эволюционными векторами, выступающими сквозной транссистемной силой.

Кузя: Ты меня окончательно запутал с этими терминами. Что ты всем этим хочешь мне сказать?

Я: Хорошо. Постараюсь тебе объяснить, что я хочу тебе донести. Я не буду затрагивать эволюционный подход, который развивает Андрей Пелипенко, иначе мы запутаем не только самих себя, но и читателей. Предмет нашего рассмотрения – ИМ. И о его понимании Андреем я сейчас тебе как раз и говорю. А он пишет о том, что ИМ является миром «тотальной когеренции», который находится вне времени и пространства. Попадая в наш (эмпирический) мир, паттерны ИМ «распаковываются» и обретают пространственно-временное и каузальное измерения, поскольку каузальность, как подчёркивает Андрей, возможна лишь в пространственно-временном континууме. Одним словом, я пытаюсь донести до тебя, Кузя, то, как он понимает мир, к которому у тебя, возможно, есть непосредственный доступ, а у нас, людей, нет.

Кузя: Очень оригинально доносишь. У меня даже шерсть встала дыбом, хотя мне никто или ничто не угрожает.

Я: Но мы же должны разобраться с природой ИМ.

Кузя: Кому должны?

Я: Самим себе и в память об Андрее, который, как мне кажется, «прорвался» в трансцендентное и попытался его осмыслить. А большинство из нас остались стоять у порога его научного открытия, опа-

саясь переступить запретную черту. Ведь ни у кого, кроме тебя и твоих сородичей, нет опыта взаимодействия «лицом к лицу» с этим миром. И Андрей показывает нам, почему мы не можем напрямую его постичь.

Кузя: Ну тогда продолжай. Но я хотел бы понять, почему то, что он сделал, не получило широкого признания в философской и научной среде. Большинство из вас упираются в мир запредельного как в стенку лбом. А Андрей, как я понимаю, пробил в этой стенке дыру и попытался через неё проникнуть и получить хотя бы косвенную информацию о доселе неведомом.

Я: Это отдельный вопрос. Возможно, на эту тему было слишком много изотерических спекуляций. И философы стали относиться к ней по меньшей мере настороженно. Могу лишь предположить, что философские и научные построения имеют рациональную природу, а то, с чем мы столкнулись в объяснении Андрея – сверхчувственную и нерациональную. Точнее сказать, ИМ требует к себе трансрационального отношения. Конечно, и до Андрея были попытки постичь трансрациональным образом сущность запредельного, например, у немецких классиков философии (абсолют, абсолютная идея и пр.) или у русских религиозных философов, которые обращались к идее Софии как вечной и божественной премудрости, соединяющей миры Бога и человека. Однако Андрею одному из первых удалось сделать шаг в направлении научной (культурологической) интерпретации ИМ, за что лично я им и восхищаюсь.

Кузя: Удивительно, что вы, люди, так усложняете то, что у нас, котов, получается естественным образом. Мы напрямую общаемся с «сущностями», которые проникают из ИМ в психосферу. А вам приходится облекать разные феномены в отдельные слова и всякий раз давать им пояснение (по-видимому, в силу неоднозначности их смыслового содержания или непоследовательности вашего толкования).

Я: Вот это мне интересно как раз и выяснить, ответив на вопрос, как это происходит. Но для начала давай продолжим представление концепции ИМ, разработанной Андреем Пелипенко. Связь между ИМ (потенциальным бытием) и эмпирическим миром (актуальным бытием) опосредована у него интенциональными нитями или полями, которые определяют вероятность воплощения того или иного эмпирического феномена.

Кузя: Значит ли это, что то, что мы видим и наблюдаем вокруг себя, является всего лишь копиями или проекциями этих нитей?

Я: Не совсем так. Как пишет Андрей, «содержание, воспринимаемое наблюдателем, может в то же самое время быть представленным

внешним событием, без всякой причиной связи между ними» [1, 169]. Он ссылается на синхронизмы К. Юнга, который полагал, что психика и материя – это два разных аспекта одной вещи, между которыми устанавливаются акаузальные отношения со-осуществления. И мы не можем проследить напрямую эти когерентные связи. Так что понять, почему где-то рядом с нами нечто происходит или случается, вызывая импульсы в нашей психике, не всегда представляется возможным. Каким-то образом наше сознание при помощи подсознания «считывает» такие психосферные образования, как психические и информационные матрицы, являющиеся полупроявленными (в эмпирическом мире) паттернами ИМ [1, 170].

Кузя: Да, ты меня запутал окончательно.

Я: Но мы же должны разобраться с природой ИМ.

Кузя: Мне достаточно того, что я интуитивно постигаю.

Я: А мне нет. Так вот эти матрицы существуют, с точки зрения Андрея, вне времени и могут относиться как к будущему, так и к прошлому. Это он иллюстрирует на примере волновой теории, описывая интенциональные потоки в терминах опережающих и запаздывающих волн. Но я не буду далее углубляться. Так что же такое интенциональность в контексте постижения ИМ? Обратимся снова к монографии Андрея Пелипенко. «Итак, интенциональность понимается как “реликтовая” сила притяжения между агентами когерентной связи, “помнящая” о холономной между ними слитности в атермальном мире и стремящаяся актуализировать эту связь вновь» [1, 171].

Кузя: Подожди. Ты меня засыпал непонятными терминами. Поясни, что такое холономная связь и атермальный мир.

Я: Атермальный означает буквально нетеплопроводный. Холономность (от англ. holon) же есть характеристика чего-либо, что выступает целым самим по себе и в то же самое время – частью чего-то ещё. Связь между целым и частью не является жестко определённой. Поэтому холономный подход противопоставляется зачастую классическому системному подходу с его иерархией целого и части («целое не есть сумма частей» и т.д.).

Продолжим. Андрей считал, что исходное «ядро» когерентной связи между агентами разных миров может порождать «нелинейное множество вариантов осуществления». Другими словами, изначальный пакет паттернов ИМ расслаивается далее на множество вариантов воплощения в конкретных событиях эмпирического мира. И это расслоение происходит не где-нибудь, а в психосфере, в которой паттерны могут существовать ещё в неопредмеченном виде, в каком они ещё не

предстают в нашем мире, и вместе с тем уже схватываться сознанием человека, поддаваться его восприятию. Те предметы, которые мы наблюдаем в эмпирическом мире суть ни что иное как «устойчивый во времени фокус этих самых интенций» [1, 172].

Таким образом, мы имеем дело не с вещами как таковыми, а с их образами или проекциями («воплощёнными пучками интенций»), которые исходят из ИМ и сосредотачиваются в психосфере, прежде чем «попасть» в эмпирический мир.

Миры, которые мы конструируем

Кузя: Не могу сказать, что мне всё понятно. А как эти «пучки» попадают в наш мир и становятся вещами или событиями для нас? Ты мне как-то говорил о книге А.В. Смирнова «Событие и вещи» [4]. По-моему, там совершенно другой подход к пониманию мира.

Я: Это сложный вопрос и я ещё во всём не разобрался. А.В. Смирнов считает, что «мир упорядочивается не в силу того, что вещи образуют некий порядок в систему, а уже потому, что они имеются; в силу одного того, что может быть поставлен вопрос о законосообразности и упорядоченности вещей. Вещей как субъект-предикатных “склеек”, как удивительных центров притяжения, в которых интенсивность субъектности, её сжатость, направленность-во-внутри (ведь субъект в своей чистой субъектности равен только себе) сплавлена с экстенсивностью, разжатостью, направленностью-вовне предикатов (поскольку предикаты “разжимают” субъект, размыкают его границы и стремятся слить его с другими субъект-предикатными комплексами» [4, 5].

Следовательно, вещи упорядочивают мир своим существованием, а не как-то иначе. Этот порядок задаётся не «свыше» (паттернами из ИМ), проходя через психосферу, как у Андрея Пелипенко, а субъект-предикатными связями или «связками». Но это тот мир, который Андрей Смирнов называет осмысленностью. Мы всегда имеем дело с субъект-предикатными комплексами, а не с физической предметностью как таковой. Другими словами, наше видение мира и конкретных вещей опосредовано языком. Мы не только видим таким образом вещи, но и живём в сконструированном нами «мире-вещей». При этом мы видим именно конкретные вещи, а не «море расплывшихся красок». Поэтому перед нашим взором предстают уже оформившиеся «сгустки красок», упорядоченные нашим мышлением, а точнее – тем или иным способом полагания вещей.

И если у Андрея Пелипенко мир наполнен интенциональными связями как своего рода «живительной смесью», посредством которой происходят воплощения вещей, то у Андрея Смирнова он «соткан»

буквально из субъект-предикатных комплексов, посредством которых люди его воспринимают и мыслят, т.е. делают для себя осмысленным. Иначе говоря, у первого исследователя вещи являются воплощением развёрнутых паттернов ИМ, а у второго они обладают субъект-предикатной конструкцией, что придаёт им самость и вместе с тем способность изменяться.

Кузя: Поскольку у меня нет таких опосредований, в т.ч. либо через культуру, как это описано у Андрея Пелипенко, либо через субъект-предикатное конструирование как у Андрея Смирнова, то мне значительно «проще» живётся. Я воспринимаю то, что вы называете миром, как композицию взаимодействующих друг с другом энергоинформационных полей. Поэтому для меня не существует различия между живым и не живым. Камни, землю, траву и буквально все вещи я рассматриваю как проявления жизни. Все они несут в себе информацию и излучают энергию. Но жизнь в них «вдыхает» дух, у которого в вашей философии и религии имеется множество названий (например, Святой дух, «абсолютный дух» Гегеля и пр.).

И мне интересно не только то, как птичка летит или поёт, но также то, как ведет себя камушек, который я случайно задел своей лапой. Он тоже может со мной «разговаривать», как и птичка, которая производит звуки (пение), когда пытается ускользнуть от меня или предупредить об опасности своих сородичей. Мне любопытно всё, что лежит неподвижно или движется, издавая энергетический импульс. В этом смысле все окружающие вещи наполнены для меня жизнью. Так, Андрей Пелипенко отмечал, что даже простой булыжник обладает самостью и вместе с тем способностью распространять своё влияние на окружающий мир настолько, насколько ему позволяет «эволюционный уровень самости, достигнутый геохимической системой» [1, 180]. Поэтому тот же камень несёт информацию не только о себе, но и об окружающем его мире. Возможно, он прилетел с другой галактики, а может быть образовался в результате вулканических процессов. Всё это я считаю в его энергоинформационном поле. А вам, чтобы установить это, потребуются месяцы и даже годы исследований.

Я: Значит ты являешься невольным сторонником ещё одного подхода – концепции энергоинформационных полей, которая имеет широкое распространение в научном сообществе.

Кузя: Я бы не стал на твоём месте приписывать мне какие-то подходы или концепции. Просто мне, чтобы быть понятным, приходится использовать знакомые вам слова. Но совершенно иначе, по-своему я воспринимаю человеческую речь или текст, который ты мне озвучива-

ешь. Например, когда Смирнов пишет, что события в отличие от вещей не имеют самости и не могут изменяться, и что они обозначаются глаголами («течёт река» и пр.), то я понимаю это так: только вещи «живые», всё остальное является связующими звеньями между ними, в т.ч. паттерны ИМ или субъект-предикатные комплексы. А значит, рождение жизни – это момент воплощения в какой-либо вещи духа, энергии и информации. Но сами по себе последние не являются живыми. Соединяясь с веществом и преобразуя его посредством энергии, дух порождает жизнь мелких предметов, животных, человека, макротел, планет, звезд, галактик и целой вселенной.

Я: Теперь ты, Кузя, меня озадачил. Я только попытался разобраться в концепции ИМ Андрея Пелипенко, а ты теперь накладываешь на этот процесс ещё и своё понимание, побуждая меня вместе с тем обращаться к другим подходам, в т.ч. к концепции А.В. Смирнова.

Кузя: Да, с вами, людьми, не только можно, но и нужно спорить, распутывая по ходу проблемные узлы. Иначе вы заведете в такой лабиринт, из которого потом не удастся выбраться. Так, Смирнов утверждает, что вещи возможны лишь благодаря событиям. А сами события находятся вне изменения. Глаголы, которые их обозначают (например, «течёт») иначе относятся ко времени, чем имена, указывающие на существование вещей. Порядок и законы присущи миру вещей, а не событиям. Последние «вынесены» из потока времени и ими нельзя управлять подобно тому, как закономерности управляют движением вещей [1, 6].

Это трудно воспринимать. Ведь события происходят или свершаются, начинаются и заканчиваются. К пример, вода не может течь вечно. Когда-то источник иссякнет. Значит, событиям присуща временность (длительность). И событий может быть столько, сколько раз вода протекает один и тот отрезок (от пункта А к пункту Б). «Вода течёт раз», «вода течёт два», «вода течёт три» и т.д., пока вода не перестанет течь, а значит, и источник событий иссякнет.

Я: В это надо вникать. К тому же вещи у А. Смирнова «сделаны» нашим сознанием, причём разными способами, поскольку мы принадлежим к разным культурам и конструируем мир вещей по-разному. Для него центральный вопрос – «почему мы полагаем вещи и как именно мы полагаем их?» [1, 7]. А для Пелипенко этот вопрос формулируется иначе. Вещи получают своё воплощение благодаря тому, что в психосфере производится распаковка паттернов ИМ. А значит для него стоит вопрос: как происходит, что появляются именно эти вещи, а не другие или почему потенции выбирают эти вещи для своего воплощения и т.д. и т.п.?

Можно расширить этот список вопросов и ответы на них будут разными у обоих авторов. А.В. Смирнов, возможно, ответил бы, что вещи таковы, какими мы их видим посредством присущих нам базовых интуиций, а А.А. Пелипенко, наверное, предположил бы, что различие в мире вещей зависит от того, какие потенциалы ИМ в них реализовались (воплотились).

Анализ же данной книги А.В. Смирнова мы проведём с тобой как-нибудь в другом диалоге. Она заслуживает более внимательного прочтения. А сейчас я хочу продолжить своё знакомство с концепцией ИМ Андрея Пелипенко, чтобы понять тот способ, которым ты «проникаешь» в этот мир.

Я: Мы уже выяснили с тобой, что Андрей Пелипенко рассматривает психосферу как медиационную зону между мирами. В этом смысле она представляется ему как «континуум всепроникающих интенций», которые условно локализируются в конкретной пространственно-временной точке [1, 169]. То есть они могут воплощаться в вещах или событиях. Однако на психосферном уровне их нельзя постичь при помощи рациональных методов. Они доступны лишь благодаря «принимающему устройству», каковым, например, может быть человеческий мозг, а точнее – его некоторые зоны.

Кузя: С этим я согласен, поскольку мы, коты, воспринимаем «свернутый порядок» Д. Бома или ИМ А. Пелипенко посредством наших органов чувств. И нам удаётся увидеть то, что вам пока недоступно. Мы видим голографическую структура мира, о которой упоминает Андрей.

Я: Ну это ещё надо доказать. Мне трудно предположить, что вы там видите или нет. Говорить-то можно о чём угодно. А поди-ка проверь.

Кузя: Не буду с тобой спорить. Это сродни вопросу о вере. Ты веришь или нет. И всё. Ты же веришь в Бога, а объяснить, почему или как ты это делаешь, не можешь. Вот и здесь так.

Я: Давай о Боге не будем говорить всуе. Я уже понял, что ты не можешь объяснить то, как происходит ваш контакт с ИМ. И мне недостаточно твоих заверений. Вот у Андрея Пелипенко всё это иллюстрируется на фактах науки и в первую очередь квантовой теории Бома.

Кузя: Куда уж нам, котам, дотянуться умом до ваших теорий. Нам остаётся только «лапой щи хлебать». У нас ведь даже лаптей нет, не говоря уже о ложках и других изобретениях человеческой цивилизации.

Я: Да ты не обижайся, Кузя. Я сам пока не могу уследить за сложным ходом мысли Андрея Пелипенко. Ведь, несмотря на то, что для

него человеческое сознание «само является продуктом разворачивания “скрытого порядка”, исходная, “чистая” холонность ИМ эмпирически непостижима в принципе» [1, 173]. Но в то же время, оно способно постичь «взаимоприсутствие всего во всём» и схватить «тотальную холистичность универсума». Пока это трудно укладывается в моей голове.

О «внутренней» организации имплицативного мира

Кузя: Интересно, а что находится «внутри» ИМ?

Я: Ответ на этот вопрос приводит сам Андрей Пелипенко. «В мире свернутого порядка нет ни структур, ни даже дискретных и устойчивых во времени и пространстве составляющих, а есть лишь пакеты возможностей их актуализации» [1, 174]. Следовательно, о нём нельзя говорить с точки зрения обыденного представления о структурности как внутренней дифференцированности, разделенности на части и элементы. Можно лишь сказать, что там присутствуют намерения-потенции, которые Андрей называет первичным бытием-в-возможности или нулевым уровнем ИМ. Далее он включает в него всю шкалу состояний, находящихся между абстрактной потенциальностью и воплощенным бытием, и соответствующих разным уровням осуществления возможности. Именно в психосфере, в которой происходит разворачивание имплицативных пакетов, можно условно зафиксировать эти состояния.

Кузя: А как же у Андрея объясняется способ осуществления этих состояний в актуальном бытии? Иначе говоря, как мы узнаём о том, что те или иные возможности уже реализованы или «готовы» к реализации?

Я: Как он утверждает, их «экспликация в нашем пространственно-временном континууме осуществляется в соответствии с определенными законами» [1, 175]. Наше сознание отчасти способно улавливать эти возможные копии и отслеживать путь их перемещения из ИМ в развернутый мир.

Кузя: Честно говоря, мне трудно даже представить, как это происходит у вас, людей. Мы же определяем момент появления такой копии («сущности иного порядка») по едва заметным ощущениям психической вибрации, которая свидетельствует о нашем переходе в состояние транса. Этот процесс запускается автоматически и независимо от нас, как только мы сталкиваемся с психосферными явлениями.

Я: Может быть, может быть. Андрей же считает, что появлению возможных копий или «заготовок» предшествует интенциональный импульс-запрос из актуализованного или эмпирического мира.

Кузя: А кто или что посылает этот импульс через психосферу в ИМ?

Я: Думаю, что в мире людей это делает человеческое сознание или точнее – мозг человека. Дело в том, что любая эмпирически проявленная интенция-возможность оказывает обратное действие на ИМ, побуждая его к созданию нового пакета возможностей. По-видимому, люди посредством актов бытия буквально «вытягивают» из ИМ желательные для них возможности. Причём медиационный канал открыт с обеих сторон. Следовательно, можно говорить о наличии двух инстанций – «вызывающей», находящейся на стороне актуального бытия, и «отвечающей», которая предоставляет пакет возможностей актуальному миру и реагирует на его изменения. Андрей Пелипенко показывает это на примере становления таких структурных форм, как живые организмы (онтогенез) и сознание (инкультурация). Любые изменения в них (физические или ментальные) также предполагают новый набор возможностей для таких изменений со стороны ИМ.

Кузя: А как воплощаются возможности или «заготовки» ИМ в других мирах и средах – физической, биологической и пр.?

Я: В этом мне ещё предстоит разобраться. Наверное, здесь нет единого алгоритма для медиационного процесса, осуществляемого между мирами. По-видимому, другие миры, как и культура, ведут на своем уровне или по своим интенциональным каналам «диалог» с ИМ. Но всё-таки определённые различия имеются, на что и указывает Андрей. «Так, в мире плотных физических тел, и в особенности в неорганической системе, действуют сильные и “грубые” энергии, которым соответствует сравнительно низкий уровень квантовой запутанности. Поэтому время в абиотическом мире течёт медленно. Интенциональная энергичность живой природы структурирована сложнее и тоньше, и потому более слабые энергии живых систем создают более динамичный темп мира. Мир культурных смыслов основан на ещё более тонкой и сложно структурированной интенциональной энергичности» [3, 40].

Однако только в человеке соединяются сразу несколько уровней взаимодействия, связанных с его неорганической, органической (биологической), психической и культурно-ментальной системами. При этом первые две системы ведут свой диалог практически независимо от сознания. «Лишь культурно-ментальная система, причастная к незавершенной системе культуры и не определившая до конца режим своего диалога с ИМ, способна этот диалог “проблематизировать”» [1, 177].

Следовательно, любая система (физическая, биологическая или культурная) посылает сигнал в ИМ через психосферу. И Андрей Пелипенко считает, что «чем сильнее интенциональный призыв из нашего

мира, тем выше потенциальные воплощения “призыва” в какой-либо модификации» [1, 178].

Кузя: Получается так, что все наши желания и фантазии сбываются, как по велению золотой рыбки?

Я: Не совсем так. Это зависит от силы, реалистичности и адресности наших импульсов-желаний, а также от способности субъектов их воплотить. Кроме того, надо ещё знать, в какой сегмент ИМ посылать свои запросы. Об этом и пишет Андрей: «... Не всё сущее в когерентном мире является действительным. Потому и произвол человеческого мышления не способен вызвать к жизни плоды своих фантазий. Действительное намерение, даже будучи “адресованным” слабой потенции в когерентном мире (в формулировке Бома, тонким слоем имплицативного порядка), способно в той или иной форме эксплицировать соответствующий акт существования. Но произвольные фантазии адресуются к тому спектру “сущего” в имплицативном порядке, вероятность экспликации которого ничтожна до неразличимости» [1, 178]. И здесь же он уточняет своё понимание: «Впрочем, вероятность воплощения того или иного имплицативного паттерна определяется не одной лишь силой интенционального импульса... В ИМ существует некая шкала приближения к границе распаковки. При этом имплицативные паттерны ведут между собой интенциональный диалог – своего рода борьбу за возможность воплощения» [1, 178-179].

Кузя: Значит, конкуренция или «борьба за выживание» существует не только в биосфере, но и там, на небесах?

Я: Получается, что так. Как и у Дарвина, выживают «сильнейшие» (в нашем случае – структуры, обладающие мощным интенционально-энергетическим потенциалом при условии, конечно, что они «правильно» адресуют свой запрос). Но кто тебе сказал, что ИМ находится на небесах? Он может быть везде, даже рядом с нами. Ведь по сути речь идёт о том, что сопоставимо по своему невидимому состоянию с так называемой темной материей во вселенной. Возможно, он существует как параллельный мир.

Используя положения квантовой теории, Андрей Пелипенко показывает, что и в самом ИМ имеются также разные спектры состояний, в т.ч. потенциальный спектр, в котором содержатся «идеи» всех возможных для системы состояний, и динамический спектр, на который возложена «ответственность» за актуализацию этих состояний. При этом психосфера хранит в своей «памяти» энграммы (слепки) предыдущих воплощений. Поэтому Андрей отмечает следующую тенденцию: чем больше у системы опыт осуществления предыдущих воплощений, тем

больше у неё шансов на реализацию последующих воплощений, т.е. на «получение» и распаковку имплицативных пакетов.

Кузя: А что же ещё имеется «внутри» ИМ?

Я: Как пишет Андрей, «далее располагаются не поддающиеся дифференциации тонкие слои ИМ. Вероятность экспликации имплицативных пакетов из этих слоёв крайне мала и по мере удаления от фронта распаковки стремится к нулю» [1, 180].

Кузя: А есть ли границы у ИМ или он безграничен, как и вселенная?

Я: Андрей утверждает, что это – сфера непознанного, поскольку ИМ нельзя воспринимать непосредственным образом. Мы можем судить о нём лишь по состоянию психосферы, на которую он и его слои проецируются как на своего рода экран [1, 180]. Поэтому можно предположить, что он присутствует везде, но границы его очертить невозможно.

Кузя: Не знаю как читатели, а я уже порядком устал. Давай завершать теоретический разговор. У меня остался итоговый вопрос. Так в чём же состояло, на твой взгляд, научное открытие Андрея в исследовании ИМ?

Я: Полагаю, что его новаторский вклад заключается в обосновании и подтверждении гипотезы о том, «что потенции актуализируются посредством их интенционального “вызывания” (“вытягивания”) из ИМ...» [1, 181]. При этом Андрей убедительно показал, что «ИМ – это не готовый склад предсуществующих, заранее готовых форм... Можно сказать, что чувственные границы форм и структур в эмпирическом мире соответствуют границам между “кустами” имплицативных пакетов» [1, 185]. А это значит, что нет ничего предзаданного и предопределённого в ИМ. Он сам непрерывно развивается, обновляя постоянно наборы своих пакетов в соответствии с запросами, поступающими из нашего и других миров.

Следовательно, ИМ и эмпирические миры, сколько бы их не было, неразрывно связаны друг с другом и в известной степени образуют единый континуум миров или универсум, в котором происходит «всеохватный и всепроникающий интенциональный диалог». Вместе с тем Андрей показал, что между ИМ (как потенциальной реальностью) и объективной реальностью эмпирического мира (как «реальностью-для-всех») существует также реальность-для-себя, из которой, возможно, и исходят запросы в ИМ.

Таким образом, благодаря Андрею Пелипенко, нам удалось немного «заглянуть» вглубь ИМ и ощутить перед собой бесконечную бездну смыслов.

Кузя: Да. Как говорили главные герои романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», «мы в восхищении, королева в восхищении, я восхищён». Мы – это, конечно, я и ты.

Я: А кто же тогда королева?

Кузя: Это – дама моего сердца.

Я: Извини, Кузя, но как у тебя, в таком положении, может быть дама сердца?

Кузя: Ну ты, мой нелюбезный друг, мало того, что грубиян, но ещё и банально невежественен. Моей дамой сердца, к твоему сведению, является философия. И хотя Андрей – культуролог, это не помешало мне получить от знакомства с его книгой истинно философское удовольствие.

Я: Тогда я рад за тебя и за нас. И извини за некорректное выражение. И ещё неизвестно, кто из нас больше стерилизован – люди или коты. Над нашей стерилизацией работает не только пропаганда (как система манипулирования сознанием или «промывания мозгов»), но и вся индустрия массовой культуры.

Логика постижения мира

Я: Ну что ж, у нас остался всего один предмет для обсуждения. Это – логика или логики постижения ИМ. А это связано, в свою очередь, с характером диалога с ним.

Кузя: Полагаю, что лично у меня имеется перед тобой преимущество. Я уже имею опыт «диалога» с ИМ, а ты пока нет?

Я: С чего ты это взял, мой любезный друг? Мне тоже приходилось не раз воспользоваться «услугами» ИМ. Разница заключается лишь в том, что я это делаю при помощи доступных мне средств культуры, а ты как-то иначе или «то же иначе», как у А.В. Смирнова. По мнению последнего, мир изменяется, также как и наше мышление, переходя от инаковости к тождеству и наоборот. «Мыслить можно только по принципу то же иначе...» [4, 10]. А это значит, что надо удерживать в своём сознании тождество и инаковость мира или конкретных феноменов. Нельзя придерживаться лишь одной из сторон этой дуальности. Он показывает это на примере двух крайних полюсов мышления (Парменид с его совершенной тожестью, вечно единым и Ибн Араби с его абсолютной инаковостью). Следовательно, мир есть одновременно то и другое. Поэтому «то же иначе – это несоизмеримость логико-смысловых перспектив, поскольку каждая задаёт свой, и только свой, критерий истинности; то же иначе – это оправданность любой из таких перспектив, поскольку каждая оправдана как другая» [1, 22].

Кузя: А какое отношение это имеет к «внутреннему» устройству ИМ?

Я: Самое непосредственное. Ведь у Андрея Пелипенко допускается в ИМ условное единство (тождество) благодаря наличию всеобщей универсальной связи и инаковость (различие идей и их воплощений в мире актуального бытия).

Кузя: Означает ли это, что у обоих авторов имеется одно и то же исходное основание мышления?

Я: Да, возможно. Но посылки у них разные. Андрей Пелипенко строит свою теорию на основе квантовой механики, допуская существование ИМ в определённой логике, а Андрей Смирнов ищет логику культуры в особом способе субъект-предикатного моделирования, который он называет всесубъектностью. В то же время в качестве предельного основания у них выступает смысл. Не случайно А. Пелипенко назвал свой подход смыслогенетическим, а А. Смирнов – логико-смысловым.

Кузя: А где же здесь место выбору? Неужели мы имеем дело с двумя детерминистскими теориями?

Я: Ничего подобного. У А. Пелипенко всегда выбирает система, в т.ч. человек, посылая в ИМ соответствующие запросы и обрабатывая поступающие от него пакеты, а у А. Смирнова выбор осуществляется на уровне базовой интуиции, которая «задаёт» субъект-предикатный комплекс – своего рода каркас или несущую конструкцию.

Кузя: Но ведь у последнего он уже изначально задан. Каков субъект-предикатный комплекс, таков и способ мышления или действия.

Я: Да, но при этом остаётся возможность изменить сам способ мышления, выбрать одну из логик – процессуальную или субстанциальную. «... В нашем чувственном восприятии и в нашем мышлении мы вынуждены делать выбор, вынуждены сворачивать в ту или другую сторону. Но этот (неосознанный) выбор невозможно обосновать критериями истины» [1, 21]. Или пойти по пути утверждения логики все-субъектности. Но в любом случае, каждая логика, по мнению А. Смирнова, оправдана в данной системе культурных координат.

Кузя: Думаю, что этот выбор всё-таки у него ограничен. Выбрать логику другой культуры – это всё равно, что «заменить мозги» человеку. Ведь данный субъект-предикатный комплекс, соответствующий той или иной логике мышления, усваивается им с раннего детства. И он не может выбрать то, что ему не дано изначально.

Я: Почему же? При наличии сильного желания ты всегда можешь перестроить своё отношение к другой культуре, попытаться увидеть

её «изнутри», т.е. в соответствии с её собственной логикой, а не с точки зрения логики своей культуры.

Кузя: Попытаться-то можно, но как это сделать на практике. И что же представляет собой логика постижения ИМ у А. Пелипенко?

Я: Думаю, что у него нет какой-то особой логики в обозначенном выше понимании, но её можно попытаться реконструировать с помощью подхода А. Смирнова, который полагает, что обе логики (субстанциальная и процессуальная) истинны по-своему, но могут быть оправданы. «Только категория оправданности даёт возможность встать над логико-смысловым выбором, над развилкой, сохранив равно-истинные альтернативы» [4, 22].

Кузя: И как это ты себе представляешь в случае с А. Пелипенко?

Я: Полагаю, что Пелипенко по стилю своего мышления всё-таки близок к субстанциальной логике. И не только потому, что он мыслит ИМ субстанциальным образом, представляя его как мир субстанциальных вещей, в т.ч. возможных копий и их воплощений. Но ещё и потому, что они предзаданы в виде имплицативных пакетов, существующих «до востребования». Для него ИМ – «... реальность, хотя и не данная человеку в непосредственном восприятии» [3, 11]. Андрей Пелипенко оперирует, как было отмечено выше, категориями бытия – потенциального (собственно ИМ) или актуального (эмпирический мир), которые укоренены в европейской философской традиции, что позволяет отнести условно его логику к субстанциальной. А на другой стороне (в мире актуального бытия) имплицативным пакетам соответствуют интенциональные импульсы различных систем, имеющих также субстанциальную природу.

Субстанциальностью у Андрея обладает и культура, структурной единицей которой выступает смысл. Культура же в свою очередь характеризуется субъектностью. Она, как и любая структура, состоит из нескольких субстанций, «каждая из которых определяется особым типом взаимодействия квантовых полей и специфической интенциональной энергичностью». Вместе с тем культурные феномены локализованы минимально. «Поэтому их медиационные связи с ИМ... неустойчивы и подвижны, а их фиксируемые психическими энграммами каналы – хрупки и уязвимы» [3, 41]

Как и А. Смирнов, А. Пелипенко исходит из необходимости реконструкции когнитивных схем культуры, которые предшествуют ментальным структурам и социокультурным практикам. Но при этом само понимание этих схем у них принципиально отличается. Так, Смирнов использует понятие «когнитивное коллективное бессознательное»,

а Пелипенко ищет истоки культуры в ИМ, доходя до самых глубинных уровней организации вселенной. Причем первый исследователь имеет опыт «работы» как с субстанциональной логикой западноевропейской культуры, так и с процессуальной логикой культуры (на примере арабомусульманского мира), а второй ограничивается детальной разработкой субстанционального видения мира. Но это ни сколько не умаляет глубину его подхода.

Кузя: Хорошо. А можно ли назвать Андрея Пелипенко гуманистом? Мы как-то с тобой обсуждали вопрос о гуманизме.

Я: Думаю, что это уж точно не про него сказано. Я бы ещё подумал о возможной приверженности гуманизму у Андрея Смирнова. А в картине мира, как и в отношениях с ИМ, Пелипенко отводил человеку достаточно скромное место. А вот культуру, напротив, он считал главным звеном в медиации ИМ и мира людей. «ИМ в целом совершенно безразличен к человеку, ибо его существование никоим образом от человека не зависит. Другое дело, что культура как мир человеческой ментальности и соответствующих практик, взаимодействуя с ИМ, меняет конфигурацию паттернов в определённых его “слоях” – пакетах вероятных актов существования. Но отсюда до антропного принципа – огромная дистанция» [1, 184].

Так что гуманистом и даже антропологом Андрея Пелипенко уж точно не назовёшь. У него была лишь одна любовь в науке – культурология. И ей он никогда не изменял. К философии же он относился скептически, но об этом можно будет поговорить как-нибудь в другой раз.

Я: Ну и каково, Кузя, твоё впечатление? Что ты можешь теперь сказать, когда мы обсудили вкратце концепцию ИМ Андрея?

Кузя: Да, тут ничего и не скажешь. Масса впечатлений и гора аргументов, которые ещё предстоит осмыслить. Действительно, Андрей – великий мыслитель. А его ум вмещает в себя гораздо больше, чем Большая советская или российская энциклопедия. Я столько всего нового узнал, в т.ч. и о себе. Жаль, что его уже нет с нами. Он столько бы ещё смог предложить идей.

«И напоследок я скажу». Немного «бьяк» в заключении

Я: Кузя! Завершить наш трёхдневный диалог хочется чем-нибудь из юмора Андрея Пелипенко. А лучше его «бьяк» мне на ум ничего не приходит. Ты помнишь что-нибудь по теме нашей сегодняшней беседы? Речь идёт о запредельном, ну уж очень запредельном и, конечно же, невозможно трансцендентном. Поэтому начну с выражения Андрея «позвольте покрыть взглядом плоскость обсуждаемого ракурса».

Кузя: С удовольствием. Вот вспомнил бяку о границах бытия. «Черту нам черти очертили». Или ещё о постижении ИМ: «В этом процессе участвует не только кора, но и древесина головного мозга». Это точно про меня и про моё понимание теоретических положений Андрея.

Я: После такой беседы и тщетной попытки погрузиться в ИМ можно сказать словами Андрея: «Сегодня в моей душе прибавилось седых волос».

Кузя: У тебя и на бороде их стало как-то больше. Когда они успели поседеть? А я думаю, что сам бы Андрей сказал бы о наших штудиях, что «эта основа не меняет сути».

Я: Ты что имеешь в виду?

Кузя: То, как мы с тобой барахтались на поверхности мысли Андрея. При этом он обязательно сказал: «Перестаньте лежать на поверхности!». А потом добавил бы: «Не будем исчерпывать глубиной собственные познания этого вопроса».

Я: Ну ты скажешь тоже, барахтались... Лучше привести тогда другую бяку: «От этого вопроса трудно отмахнуться, но я попробую!». Мне кажется, нам с тобой, как мы не старались сделать обратное, удалось всё-таки уклониться от сути.

Кузя: Я согласен. Но у нас есть одно оправдание, если, конечно, с нами согласится Андрей и скажет: «Этот момент в недостаточной степени упущен». Могло быть и хуже.

Я: Ну знаешь, Кузя... Как сказал бы снова Андрей: «Недочеты ни в коей мере нельзя считать недостатками». Поэтому не стоит «бросать мои слова на ветер». Нам удалось продвинуться...

Кузя: Куда продвинуться? Кстати, ты зря пытаешься слыть оригиналом, писать о философии своего кота, сравнивать свои мысли с высказываниями великих философов. Всё равно у тебя не получается «охватить основы корнями».

Я: Наверное, у меня просто корни не выросли. Вся сила ушла в «древесину мозга». Но у Андрея есть и на это ответ: «Избегание штампов стало своего рода стереотипом». Как не старайся, а рано или поздно твоё истинное лицо откроется.

Кузя: Ну уж не знаю, какое там у тебя лицо, а вот высказывание «сколько дураков, сколько и мнений» мне кого-то здесь напоминает.

Я: Что-то ты слишком разошёлся, Кузя. Тебе, наверное, неизвестен рассказ Андрея о том, «как на Ваганьковском аэродроме делегацию встречали». Следы делегации на нём же и затерялись. Кстати, тех, кто слушал этот рассказ, тоже до сих не нашли.

Кузя: Отвечу тебе так: «Вы меня явно преувеличиваете». Или лучше так: «Прошу вас от меня воздержаться!» Но мы, пожалуй, отвлеклись с тобой от темы разговора и перешли на личности. Всё-таки Андрей мог сказать заковыристо, а у нас почему-то получается коряво.

Я: Не будем о грустном. Гораздо более оптимистично звучит следующее высказывание: «Будем расширяться вглубь».

Кузя: Не знаю как расширение, а глубина мне явно не покорилося. Кстати, об оптимизме. Думаю, что наше с тобой сегодняшнее выступление напоминает другую бяку Андрея: «Вселение в номер оптимизма не вселяло».

Я: Всё-таки это лучше, чем «твёрдо стоять на пути прогресса».

Кузя: Да, пожалуй, Андрей прав: «Природа даёт человеку пищу для новых измышлений». Как вы, люди, умудряетесь столько говорить красивых слов о природе, сделав при этом всё возможное, чтобы её изгадить.

Я: Интересно, а что подумают наши читатели, прочитав этот длинный текст.

Кузя: Думаю, что они согласятся с высказыванием Андрея Пелипенко, которое точно характеризует нашу с тобой ситуацию: «Имею честь утомить вас своим выступлением».

Я: А что бы сказал, будь у него такая возможность, Андрей Пелипенко своим оппонентам?

Кузя: Полагаю, что он предложил бы им выставить «все предикаты на стол».

Я: А ещё меня не покидает ощущение, что за нами пристально наблюдает Владимир Николаевич Шевченко, о котором мы говорили в одном из диалогов.

Кузя: Он сказал бы, что-то вы, ребята, слишком увлеклись и совершенно не щадите читателя. А как маститый редактор предложил бы сократить этот текст в три раза, а потом, подумав немного, добавил бы, что можно сократить ещё в три раза. От этого наш диалог, мол, только выиграет. Тогда уж лучше оставить первую и последнюю фразы.

Я: Ох, Кузя, «не терзай меня сомнениями». Мы, действительно, превысили с тобой допустимый объем. И, хотя у нас с тобой «совершенно разные складки ума», есть вместе с тем и что-то общее. Например, мы не можем остановиться вовремя.

Кузя: Складки может быть у нас и разные, а на счёт ума ты явно преувеличиваешь. И потом «не ставь на меня свой диагноз».

Я: Можно бесконечно приводить «бяки» Андрея. Им нет конца и края. Его юмор неисчерпаем. И всё же надо заканчивать. А то боюсь,

что наш читатель скажет: «Я от вас надоел!». Или ещё подумает, что в нашем с тобой случае «Декарт находился в оживлённой переписке с Картезием». Это, конечно, не так обидно, как когда тебя посылают на вокзал встречать Гегеля.

Кузя: Интересно, кто из нас с тобой Декарт, а кто – Картезий! Понял... Ответа не будет.

Я: Почему же. Ты знаешь ответ на этот вопрос не хуже меня. Ведя активную переписку с Картезием, Декарт так и не встретился с ним ни разу при жизни. А мы с тобой беседуем лицом к лицу вот уже несколько лет. Не уверен, что наши читатели оценили эту, не очень шуточную шутку. Впрочем, они давно поставили нам диагноз. Лучшее для них во мне – это ты, Кузя. А лучшее, что было со мной и для меня, пусть останется загадкой...

Я предлагаю заключить наш разговор шуткой самого Андрея: «...И в завершении завершу завершением завершающей мысли». Пожалуй, лучше, чем он, и не скажешь. Благодарю читателей за их долготерпение. Надеюсь, оно было вознаграждено остроумными «бьяками» Андрея Пелипенко. Пусть он и его идеи останутся с нами навсегда.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пелипенко А.А. Постигание культуры. В 2-х ч. Ч. 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – 608 с.
2. Пелипенко А.А. Постигание культуры. Ч. 3. // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. XXI. Вып. 1-2 (№№ 101-102). – С. 174-183.
3. Пелипенко А.А. Постигание культуры. В 2-х ч. Ч. 2. Мифоритуальная система. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2017. – 503 с.
4. Смирнов А.В. Событие и вещи. – М.: ООО «Садра»; Издательский дом ЯСК, 2017. – 232 с.

Беседу с Кузей записал Ю. Резник, 06-08 июля 2020 г. 22.00-24.00.